

УДК

Шигимагина Л.А.

ЛЮБОВЬ КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Русская религиозная философия стремилась выявить и обосновать все лучшее из накопленного духовного опыта. Философское осмысление феномена любви и сердца как специфической категории в объяснении единства окружающего мира и человеческой жизни наиболее полно было раскрыто в трудах таких украинских и русских мыслителей как Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевича, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Б.П. Вышеславцева.

Г. Сковорода, который по мнению А.Ф. Лосева «являет собой только начало русского философствования» [1, с. 221], сосредотачивается на этико-гуманистической проблематике, рассматривает проблемы таких христианских понятий как вера, сердце, любовь в форме диалога между разными людьми. В трактате «Начальная дверь христианскому добронравию» рассматривается развитие счастья: счастье заключается в сердце, сердце в любви, а любовь – это закон вечности. «Сие есть неперестающее ведро и незаходящее солнце, тьму сердечной бездны просвещающее» [2, с. 144]. Сердце для Сковороды – это “корень жизни и жилище огня и любви”, которое вводит человека в бездну Божественного Бытия. Сердце – это двери в трансцендентный мир, где главенствуют вечная жизнь и вечная любовь. Сердце – это пульсирующий центр, в котором объединяются душевность и телесность человека. Путь к Богу для Сковороды – это путь сердечного самоуглубления и сердечного самопознания. И в том стремлении любовь становится божественной.

В диалоге “Наркисс” украинский философ раскрывает гносеологическую проблему самопознания. С точки зрения Сковороды цель самопознания не может быть реализована только в результате интеллектуального акта. Надприродная реальность познается только в переживаниях. Отсюда вытекает, что органом этого процесса является сердце, а познание человеком себя – это акт любви. “Хощети ли... влюбиться в самого себе? Узнай же себе!” [2, с. 154]. Г. Сковорода рассматривает сердце как духовную субстанцию, которая является основой человеческого бытия и источником жизнедеятельности человека. Но поскольку эту субстанцию создает в человеке Бог, Григорий Сковорода отождествляет сердце с Богом или Словом Божьим. “Главнейший и начальнейший премудрости пункт есть знания о Боге” [2, с. 184]. Далее он дает определение любви: “Вот любовь! Знание божие, вера, страх и любление Господа – одна- то есть цепь” [2, с. 184]

Наркисс любит не себя, а “сокровенную в себе истину Божию” Таким образом, объект этой влюбленности имеет не человеческое, а божье, вечное. Исследуя твор-

чество Г.С. Сквороды, В. Эрн в своей работе “Г.Скворода. Жизнь и учение” отмечал, что “это учение о любви, как о силе, влекущей внешнего эмпирического человека к его вечной идее, сущей в Боге, есть своеобразная и глубокая переработка Платонова учения об Эросе в духе библейской антропологии... Метафизические свойства идеи Платона – вечность, божественность, ноуменальность, красоту и благость – Скворода переносит на неповторимую личность человека, взятую в ее умопостигаемой глубине, и платоническое явление Эроса и философской влюбленности становится для него прежде всего *внутренним фактом духовной жизни*” [3, с. 522].

В диалоге “Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни” Г.С. Скворода опроверг понимание счастья, как овладение богатствами мира. Настоящее счастье не зависит от внешних факторов бытия и может стать приобретением каждого человека. Чтобы его достичь, необходимо достигнуть душевного мира, который связан с чувствами любви, дружбы, благодарности. Оно знаменует “второе рождение” человека, которое является логическим результатом, реализацией им смысла собственной жизни. Всепроникающая сила любви объединяет три мира: микрокосм, макрокосм и символический мир Библии: “Знай, что Библия есть новый мир и люд Божий, земля живых, страна и царство любви... Нет там вражды и раздора... ни старости, ни пола, ни разности, все там общее, общество в любви и любовь в Боге, Бог в обществе и вот кольцо Вечности” [3, с. 540]. То, что невозможно для языка человеческого, то становится возможным для ангельского языка Библии. “Любовь одна ангельский язык делает действенным” [3, с. 551]. Именно она роднит человека с самой Святыней Вечности, ибо “вся приходит, - любит повторять Скворода, - любезная же любовь ни!» [3, с. 551]. “Начало всему и вкус есть любовь. Как пища, так и наука не действительна от нелюбимого” [3, с. 552].

Философская поэзия Г.С. Сквороды была органично связана с его жизненным путем, который основывался на разработанных им морально-этических принципах. Это дает основание говорить о Г.С. Сквороде, как об основоположнике особенного типа украинского интеллигента. В.С. Горский отмечает: “У цьому розумінні інтелігент – це людина, вищим законом буття якої є не задоволення біологічних потреб, не служіння певним інтересам конкретних соціальних угруповань, а моральний канон, що спирається на вимоги сфери духовності як простору, в якому людина одержує можливість до самореалізації себе як Людини, де людина реалізує свою родову сутність” [4, с. 118].

Философское осмысление сердца и любви нашло свое дальнейшее развитие в творчестве Б.П. Вышеславцева. В своей работе “Значение сердца в философии религии” он определяет сердце как “сокровенный центр, основной орган религиозных переживаний. «Из него исходит любовь: сердцем или от сердца люди любят Бога и ближних... Человек “без сердца” есть человек без любви и без религии, безрелигиозность есть, в конце концов, бессердечность” [5, с. 271,273].

Б.П. Вышеславцев сопоставляет библейское понимание сердца с его пониманием в индийской мистике. Явно прослеживается различие двух трактовок этого понятия: “... сердце в индийской мистике... означает только внутренний мир, скрытую центральность, сердцевинность Атмана по отношению ко всему, но без всякой эротической, эстетической окраски, которая неизбежна в христианском сердце...” [5, с.

279]. Христианство, в отличие от индийской мистики, не является бесстрастным: любовь считается сильнее смерти, она – источник и залог бессмертия, стремление к совершенному, которое является вечным. Христианская любовь есть сублимированный Эрос. Потеря культуры сердца, утрата чувства любви – основные недостатки современной цивилизации; пустота, скука, тоска, по мнению Б.П. Вышеславцева, происходят от того, что иссякла сила личности, засохла ее сердцевина.

Таким образом, исходя из предыдущего анализа философии сердца Г.С. Сковорода и Б.П. Вышеславцева можно сделать вывод, что «сердце» не есть некая отдельная субстанция, противоположная разуму, но есть целостность внутреннего бытия, одним из излучений которого может быть и разум. То, что не дано сердцу, в конечном счете делает невозможным объективное познание. Отношение к окружающим через «мысль сердца» есть отношение любви.

Однако, говоря о русской философии, не стоит забывать слова С.Л. Франка о том, что это не столько наука, сколько «сверхнаучное интуитивное учение о мировоззрении» [6, с. 491]. Отсюда следует, что русская философия проявлялась и в художественной литературе, характерной глубоким философским восприятием жизни. Особенно ярко это понимание смысла любви через жизнь сердца прослеживается в русской лирике XVIII-XIX веков. В поэзии А.А. Фета, Я.П. Полонского, Ф.И. Тютчева сущность любви раскрывается двояко: как красота природы, и как истинная человеческая любовь, т.е. любовь к самому существу человеческой личности. Такая любовь индивидуальна и вечна, она не зависит от внешних факторов и, неподвластная играм разума, живет лишь в сердце:

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
Я трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять [7, с.10].

Перед истинной любовью бессильны время и смерть, поскольку она проникает в самые глубины души и сердца любящего и любимого:

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой [7, с.42].

В последующем русские мыслители раскрывали феномен любви как важнейшую составляющую человеческого духа, более того, красной нитью в их творчестве проходит идея, что только в любви проявляется *богочеловеческая* сущность человека. Однако следует заметить, что в развитии теории любви в России наблюдались две концепции, хотя между ними нет жёсткого противопоставления, более того, они отгалкивались друг от друга, иногда пересекаясь, либо шли параллельно. Представители первого направления – В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, Б.П. Вышеславцев развивали идею неоплатонического эроса, возвышения эротической чувственности и понимания эроса как творчества.

В своей работе «Смысл любви» В.С. Соловьёв опроверг учение А. Шопенгауэра о том, что смысл половой любви полагается в размножении рода. С точки зрения В.С. Соловьёва, у человека индивидуальное начало преобладает над родовым. Но

для индивидуума характерен эгоизм. Как побороть его, не упраздняя индивидуальность? Только любовь способна возродить личность в новом духовном качестве, достоинство любви в том, что «она заставляет нас действительно, всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе» [8, с. 762].

Где же более всего можно устранить эгоизм? В духовной близости? Нет. В.С. Соловьёв подвергает осуждению чисто духовную трактовку любви: «Ложная духовность есть отрицание плоти, истинная духовность есть её перерождение, спасение, воскресение» [8, с. 782].

Половая любовь – вот высшее проявление любовного начала в мире людей, «...она отличается от других родов любви и большей интенсивностью, более захватывающим характером, и возможностью более полной и всесторонней взаимности; только эта любовь может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про неё в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину, т.е. станут одним реальным существом» [8, с. 763].

Признавая важность половой любви, В.С. Соловьёв считает её целью не физическое рождение, а духовное перерождение женского и мужского начала, восстанавливающее целостность человеческой личности. В своем поэтическом творчестве он утверждает:

Смерть и время царят на земле, -
Ты владыками их не зови;
Все кружась исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви [9, с. 25].

Русский философ подобно Платону развивает мысль о двух Афродитах, проводит параллель двух начал в любви – природного и идеального, андрогинной природы человека. Он мечтал о гармоничности и целостности человеческого существа, которое может быть достигнуто только в любви: «Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, - это и есть собственная ближайшая задача любви» [8, с. 765].

Если для В.С. Соловьёва размышления о любви развиваются от личностного начала до вселенского космизма, то для другого русского философа В. Розанова идея любви сконцентрирована на чувственности (возвышение полового акта), семье, культе деторождения, отношения пола и религии. Ссылаясь на свидетельства из истории древнего мира он утверждал, что религия и пол не просто связаны друг с другом, а произрастают из одного корня. В. Розанов получил широкую известность как критик христианского учения о любви, утверждая, что христианство – отрицательная религия, так как держится исключительно на аскетизме и запретах, что в свою очередь оказало негативное влияние на европейскую культуру и институт брака. Оно забыло заповеди Ветхого завета «плодиться и размножаться», а Новый завет с осуждением относится к плоти, тем самым создав неразрешимые противоречия. С одной стороны половой акт греховен, с другой – последствия его – деторождение, благословенен.

Для В. Розанова телесная любовь – не порок, а нравственная, религиозная обязанность. «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете» [10, с. 366]. Назад, к древности, к половой любви, как источнику жизни – вот кредо В. Розанова. Отмечая противоположность двух подходов к вопросу о любви Н.А. Бердяев писал: «В. Розанов – полюс, противоположный В. Соловьёву. Учение о любви В.Соловьёва нереалистично. Смерть побеждается личной любовью. Учение о любви Розанова родовое... Он видит в нём не знак греховности, а благословение жизни; он исповедует религию рождения и противопоставляет её христианству, как религию смерти» [11, с.138]. В статье «Брак и христианство» В. Розанов рассматривает брак и семью как высшее таинство. Основа его – любовь, половой инстинкт в самом глубоком метафизическом его смысле. Теперь же зачастую он является продолжением холостых удовольствий. Брак без любви безнравственен. И только развод даёт возможность избежать этого обмана. Пренебрежение полом, его бездонной трансцендентностью, по утверждению В. Розанова, - ведёт к вырождению, к потере связи с «землёй», с «материнством».

В начале 20-го века работы В. Розанова о поле, семье и браке вызвали большие споры в русском обществе. Д. Мережковский и З. Гиппиус поддержали В. Розанова, хотя другие считали, что он разрушитель христианской семьи.

Несколько иную концепцию в философии любви выработали представители второго направления - П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, И.А. Ильин. Они ориентировались не на античный эрос, а на представление любви в понятиях *caritas* и *agape*, т.е. любви сострадания, милосердия, любви разумной.

Огромный вклад в понимание и интерпретацию христианского понимания любви внес П.Флоренский. В своей работе «Столп и утверждение Истины» он обращается к древнегреческой классификации типов любви, так называемой четверице слов любви: *εραυ*, *φίλειν*, *στυρευειν*, *αγαλαυ*, характеризуя любовь как силу, «скрепляющую» общество. И если для античного мира «такими...скрепами были *εραυ*, как сила личная, и *στυρευειν*, как начало родовое; именно в них лежал метафизический устой общественного бытия. Напротив, естественной почвой для христианского общества, как такого стали *φίλειν*, в области личной, и *αγαλαυ* - в общественной» [12, с. 410].

Также П.Флоренский сформировал своё понимание философской триады: Добро – Истина – Красота. Все три понятия – это не разрозненные бытия, это «...одна и та же духовная жизнь, но рассматриваемая под разными углами зрения. Духовная жизнь, как из Я исходящая, в Я своё сосредоточие имеющая, - есть Истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого – она есть Добро. Предметно же созерцаемая третьими, как вовне лучающаяся – Красота» [12, с. 75]. Что же позволяет человеку познать Истину, творить Добро, любоваться Красотой? Любовь. Понятие любви для Флоренского не просто некоторая идея, не простой элемент в построении системы, это смысл жизни, её наполнение. Ибо «Явленная истина есть любовь. Осуществленная любовь есть красота» [12, с. 75]. Целостный акт познания–любви–пресуществления, имеет три грани – гносеологическую, эстетическую, этическую, образующие в конечном итоге онтологическую целостность. «В любви и только в

любви мыслимо действительное познание Истины» [12, с.74]; и далее: «То, что для субъекта знания есть истина, то для объекта его есть любовь к нему, а для созерцающего познание (познание субъектом объекта) – красота» [12, с.75]. Субъект стремится постигнуть Истину и создаёт ситуацию познания; Истина, активно желающая быть познанной, способствует созданию атмосферы любви. «Осуществлённая любовь» предстаёт перед сторонним наблюдателем как красота. В универсуме эта любовь проявляется как любовь Творца к твари и воспринимается предметно как красота. То есть красота тварного мира есть проявление божественной любви к миру. «Отсюда – наслаждение, радование, утешение любовью при созерцании ей. То же, что радует, - называется красо́тою, любовью, как предмет созерцания, - есть красота» [12, с. 121]. Осуществлённая любовью Бога Красота доставляет созерцающему «радование», «красотолубие» и этим проявляет себя субъект эстетического восприятия.

В свете божественной любви и красоты и познание Бога предстают у П.Флоренского и соответствующие деяния, кармы, морали, социального уровня – взаимоотношения личностей внутри христианского социума. Согласно П.Флоренскому, любящий выходит из своей самости и обнаруживает тождество с другим «Я». То же самое происходит со вторым, третьим. Третье «Я» как «созерцающее двоицу предметно», воспламеняется любовью к четвёртому «Я», становясь началом, первым «Я». В результате все троицы срастаются между собой «в единосущее целое» и все бесконечные процессы любви синтезируются в один акт. «Этот единый и бесконечный акт есть единосущее всех любящих в Боге» [12, с. 93]. Таким образом, любовь у Флоренского – это сакральный акт высшего познания через реальное изменение не столько личностного, индивидуального, сколько родового, объединения всех и слияния с божественной сущностью.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что русскую философию отличали одухотворённость, соборность, космизм, свойственные только русской культуре. В результате была создана богатая духовная школа в истолковании феномена любви, которая и сегодня активно изучается и приобретает всё большую актуальность в свете того печального факта, что народные массы перестали искренне верить в Бога и руководствоваться христианскими нравственными канонами. Однако характерное для нашей цивилизации отрицание идей абсолютной ценности личности и свободного творчества может быть преодолено, но для этого необходимо, дабы вначале интеллигенция, а потом и вся нация вернулись к нравственным традициям христианской религии. В достижении данной цели и помогут работы русских религиозных философов, которые долгое время были недоступны читателю. При этом следует учитывать оба философских направления, ибо современный человек должен соединить в своем сознании и эрос, и каритас, и агапе, чтобы действительно стать цельной личностью и осмыслить всю глубину и содержательность этих понятий. В условиях царящей бездуховности исключительно важно сегодня сделать достоянием современного общества (прежде всего молодого поколения) богатейшую сокровищницу русской философии любви.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. - 525с.
2. Сковорода Г.С. Повне зібрання творів. У2-х томах. Т.1. - К.: Наукова думка, 1973.-531с.
3. Эрн В. Борьба за Логос. Г.Сковорода. жизнь и учение. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.- 592с.
4. Горський В.С. Історія української філософії. – К.: Наукова думка, 2001.- 374с.
5. Вышеславцев Б.П. Значение сердца в философии и религии // Этика преображенного Эроса. – М.: Республика, 1994.-368с.
6. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.- 511с.
7. Фет А.А. Вечерние огни.- М.: Наука, 1971.- 798с.
8. Соловьев В.С. Смысл любви // Спор о справедливости.- М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.- 864с.
9. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. -574с.
10. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб 1 // Избранные произведения. Т.2. –М.: Правда, 1990. - 518с.
11. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и царство Кесаря.– М.:Республика, 1995. -298с.
12. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1.ч.1.- М.: Правда, 1990.- 490с.

Поступило в редакцию 3.09.02